

Разум и господство в "Диалектике Просвещения" М. Хоркхаймера и Т. Адорно

Научный руководитель – Глухов Алексей Анатольевич

Турко Дмитрий Сергеевич

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: tourko.dmitry@gmail.com

В XX веке связь познания и власти была в наиболее известном варианте постулирована Мишелем Фуко. Согласно Фуко, власть и знание предполагают друг друга. Нет ни отношения власти без соответствующей области знания, ни знания, которое не образует отношений власти (Фуко 2016, 37). Однако почти за полтора десятилетия до основных трудов Фуко теоретики Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно выступили с программной работой "Диалектика Просвещения" (1947). В этой книге фуколдианская связка "власть-знание" утверждается в ещё более радикальном и абстрактном виде: как сочленение разума и господства.

Генеалогия Просвещения ретроспективно ведёт авторов к науке раннего модерна, гомеровскому эпосу, магии, наконец — к мифу. Диалектичность этого процесса раскрыта Хоркхаймером и Адорно сполна: непрерывное движение европейской цивилизации к тоталитаризму двадцатого века показано как серия витков отрицания и снятия внутри одного и того же процесса раскрытия заложенных уже на мифологической стадии потенциалов. Предпосылки дискурсивного мышления присутствуют уже в магии, а Просвещение есть инвертированный миф (Хоркхаймер 1997, 22). Человеческий страх перед природой обращается рессентиментным желанием господствовать над ней, и это стремление к господству со временем охватывает и природу, и сам господствующий расу.

Просвещение "в самом широком смысле" — этот процесс, который ставит своей целью "избавить людей от страха и сделать их господами" (Хоркхаймер 1997, 16). Освобождая человека из-под власти природы, Просвещение творит свою собственную эпистемологию, апофеозом которой служит не вполне осознанное вплоть до Декарта, но имплицитно присутствующее субъект-объектное отношение.

Идентичность — вот центральная идея просвещения, но это антиномичная идентичность. Вечно изменчивый, но цельный дух магии и мифа распадается на два противоположенных единства: "дух и его коррелят, единство природы" (Хоркхаймер 1997, 23). Учёный мыслит природу как некое стабильное единство, неподвластное контингентным обстоятельствам мифологического оборотничества. Но это единство парадоксально достигается разнообразными операциями членения, разграничения, классификации; в итоге хаотическая разрозненность сил превращается аналитическим разумом в упорядоченную систему связанных элементов. Экземпляр — это лишь инстанция общего принципа.

Господство посредством анализа: единичное интересует нас лишь поскольку мы можем отбросить его контингентные свойства и навязать ему то общее, которое позволит установить стратегию обращения с вещью. Расчленяющий свой предмет взгляд учёного всё же мыслит мир как единство тем более плотное, чем больше аналитический разум отдаляется от своего объекта. Авторитет модерна стремится познавать индивидов в их мельчайших актах речи и телесности; парадоксально, этот приводит к тем большей плотности "социального организма".

Разум раскалывает мир на человека и природу. Требование классической научной рациональности — исключение всякой субъективности исследователя. Просвещение — это раскол мира надвое, расширяющийся зазор между духом и природой. Но "усиление своей власти люди оплачивают ценой отчуждения от всего того, на что их власть распространяется" (Хоркхаймер 1997, 22).

Субъект просвещения сродни диктатору, который интересуется вещами настолько, насколько он способен манипулировать ими (Хоркхаймер 1997, 23). Вещь, которая может быть познана, также может быть и подвластна. Чтобы стать подвластной, вещь должна быть познана. В поле зрения деспота вещь попадает только если она поддается или сопротивляется контролю; учёному вещи интересны только если они могут быть познаны; капитализму вещь главным образом интересна только если она может приносить прибыль. "В-себе" вещей становится их "для-нас". Просвещение — торжество инструментальной рациональности. То, о чём не может быть сказано на языке научной рациональности, должно быть отставлено в сторону как бессмыслица или, в лучшем случае, денонсировано как игра художнического воображения, проявление "чувства жизни".

Просвещение — это обретение человеком самости. Образ порывающей с мифом самости Адорно и Хоркхаймер видят в персонаже Одиссея. "Хитрость" Одиссея перерастает в хитрость радио, стремящегося манипулировать природой и господствовать над ней. Механизмы господства в конце концов обретают форму схемы подчинения единичного всеобщему закону. Научную рациональность не интересует единичное. Тоталитарная враждебность к личности — явление той же природы, что научно-рациональное пренебрежение к самости экземпляра. Поскольку индивиду никогда не удастся отбросить свою самость, сделать своё поведение лишь проявлением общего предписанного закона, избавиться от случайных и потому враждебных закономерности обстоятельств своей личности, стать послушным материалом для анализа, классификации, распределения и управления, — "на протяжении всего либералистского периода Просвещение постоянно симпатизировало социальному насилию" (Хоркхаймер 1997, 26-27). (А в своей тоталитарной итерации сделало насилие *modus operandi* власти). Естественнонаучная индукция возможна только если мы откажемся от пренебрежимых свойств предметов. Управление коллективом возможно только в случае "негации каждого единичного его члена". Вердикт, который Хоркхаймер и Адорно выносят Просвещению и всей новоевропейской "буржуазной" рациональности: "Просвещение — тоталитарно" (Хоркхаймер 1997, 20).

Источники и литература

- 1) Фуко Мишель. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. - 416 с.
- 2) Хоркхаймер М., Адорно Теодор В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб.: Медиум - Ювента, 1997. - 312 с.